

Учебный год давно начался, она прибывает с двухнедельным опозданием — и к тому же в класс, в котором все учатся вместе уже четыре года. Дождливый вечером ее самолет идет на посадку, и, пока остальные пассажиры закрывают глаза на время турбулентности, она прижимает лицо к круглому окошку и видит внизу Лондон. Лондон! Раздутые варикозные вены города пульсируют изнутри особым денежным свечением. Она турбулентности не боится, потому что отец ни за что не позволил бы, чтобы с ней что-нибудь случилось: он все понимает про свечение и, кроме того, всемогущ.

Водитель такси, везущего ее на Кингс-Кросс, мужчина в бейсболке, с морщинистым лицом и низким приятным голосом, внезапно решает с ней заговорить. Они едут по подземному туннелю, и кажется, что это будет длиться вечно, но вдруг — раз, и движение прекращается. Все машины встали. Дорога безнадежно забита. У города атеросклероз. Того и гляди сердце не выдержит. Того и гляди...

— Ну-у, у меня есть Крушитель Зомбаков, — низким голосом, растягивая слова, произносит водитель. — Это такой большой нож, типа мачете, только с зубчатым лезвием. У меня он сейчас с собой, могу показать, если хотите.

Ее охватывает состояние *“fight-or-flight”*¹, или как там это называют на английском — гормональная штука, от которой можно разжиреть, если никак на нее не реагировать, — но вспышка в голове длится не дольше секунды и тут же с шипением гаснет, как спичка под дождем. Он же не мог в самом деле сказать такое? Хотя, возможно, умереть ненастной темной ночью в Лондоне — это было бы любопытно. Оперативно. Не пришлось бы терять девственность, учиться пользоваться щипцами для закручивания ресниц и возвращаться на родину. И все-таки она слегка наклоняется вперед. Ухитрится выбросить в кровь еще несколько гормончиков. На следующем светофоре можно будет...

— Но имейте в виду: я никого не хочу убивать. Я совсем не для того ношу с собой нож. Нет, понятно, что многие убивать не планируют и все равно убивают, ну, просто потому что, когда у тебя есть нож, очень трудно удержаться, и...

Да, пожалуй, можно будет выпрыгнуть. Двери, наверное, заперты, да? Но это только от незваных

¹ Реакция “Бей или беги” — состояние, возникающее в организме в момент опасности, когда надпочечные железы выделяют гормоны адреналин и норадреналин, способствующие мгновенной подготовке мышц к повышенной активности и мобилизации для устранения угрозы.

гостей снаружи. А изнутри можно выбраться в любой момент, как в том кино. Только вот как быть с огромным чемоданом? Тут, похоже, даже тротуара нет. Как же перебраться через ограждение? Неужели люди вот так и погибают — беспокоясь об идиотских мелочах?

— Важно понимать, что девяносто процентов молодых людей, ведущих подобный образ жизни, выросли в семьях без отца.

Что? А, ну да. Понятно. Это не водитель, это радио. Программа про ношение холодного оружия и связанные с этим преступления — как раз из-за всего этого мать не хотела ее сюда отпускать. Невостребованные гормоны кружатся где-то внутри подобно облетевшим цветочным лепесткам и падают в таинственную мглу — туда же, куда упала диетическая кола, выпитая в самолете, и половинка лимона, и веганская шоколадная конфета с соленой карамелью, за которую она теперь себя ненавидит, хотя и съела из коробки всего одну штуку, а остальное выбросила.

В поезде,двигающемся в северном направлении, она беспокоится, что ее изнасилует небритый мужик, сидящий напротив. Что он вообще делает в вагоне первого класса? Она пьет большой американо, который купила на Кингс-Кросс в киоске “Английский кофе” прямо на платформе. Когда он встает, чтобы сходить в буфет, она выдергивает из головы длинный темно-медовый волос и кладет на крышку стакана — если мужик захочет отхлебнуть ее кофе, пока

она пойдет в туалет, она об этом узнает. Однако, когда она возвращается, стакана вообще нет, и сотрудник в железнодорожной форме тащится по проходу с большим мешком, набитым не деньгами.

Ее зовут Наталья, а дома называют Наташей, говорит она. Как в “Войне и мире”. По-английски это, видимо, Таш. У нее толстые ляжки. Французская девочка из их спальни, Тиффани, показывает: если встать прямо и сжать ноги, должно получиться три ромба: один между щиколотками и икрами, второй — между икрами и коленями, и третий — между ляжками. Большую часть слов она произносит на французском, но, похоже, тут никто не против. Ляжкам ни в коем случае нельзя соприкоснуться друг с другом, даже если ты такая уж родилась. Все пробуют встать, как показывает Тиффани, кроме Бьянки — она тощая до абсурда, и у нее этих ромбов между ногами даже больше, чем надо. У Таш пропорции правильные, но ляжки все равно ужасно толстые. Правда, не такие толстые, как у Рейчел. Рейчел — огромная, с пышными формами, огромным римским носом и темными усами, которые ей приходится удалять с помощью воска. А еще есть Лисса, она вся как-то лоснится, как будто ее вымазали сливочным маслом.

Наташа пока не освоилась в школе — просторном загородном доме с чердаками, башенками

и привидениями. Он стоит на краю деревни, где есть церковь, магазин и телефонная будка, превращенная в миниатюрную библиотеку с книжками, от которых пахнет мочой пьяных мальчиков. Призрак центральной школьной лестницы — Белая Дама, там висит ее портрет. Вайфай для учениц включают всего на час в день — с шести до семи. Как вообще можно что-нибудь сделать за один час вайфая? Девочки пишут письма заранее, офф-лайн, и ровно в шесть дружно жмут на кнопку “отправить” — от такой перегрузки вайфай часто отрубается, и тогда в этот день уже никакого интернета ни для кого.

Они — воспитанницы интерната, пленницы — наверное, последние люди в этой стране, кто до сих пор пользуется электронной почтой, но у них нет выбора. После бешеной массовой отправки писем остаток часа они загружают музыку и как сумасшедшие просматривают видео. В инстаграм и снапчат без вайфая не войдешь, а ведь у каждой есть две-три любимых знаменитости, чьи посты и сторис пропускать ни в коем случае нельзя, и для того, чтобы следить за их жизнью, одного часа доступа в день непростительно мало. Ютьюб девочкам запрещен, они для него слишком хороши. Загружать свои фото и видео им тоже не разрешается, потому что вся их жизнь — большой секрет в блестящем фантике. До них доходят новости о современных компьютерных платформах и телефонных приложениях, но что им до того, ведь они заперты в этом странном месте с деревянными панелями, тяжелыми што-

рами, опасными коврами с кисточками, запахами тела и прыщами. Зачем тебе групповой чат, когда вы все — и без того группа, которая чатится в реале вообще круглые сутки, даже ночью, лежа в постели? Дэниель живет в поселке. Вечера она проводит в общей комнате девятого класса — одним глазом общается в том самом групповом чате в реале, а другим — создает капсульные коллекции гардероба на “Пинтерест” — одежду для отпуска в Абу-Даби и Кении, куда она никогда не поедет. Домой уходит засветло. Сегодня, сидя в нехорошем углу общей комнаты, рядом с CD-проигрывателем и старыми пуфиками с застарелыми пятнами от менструаций, Лисса ухитряется нарыть в интернете немного застарелой эротики, несмотря на возрастные ограничения поисковика. Почему-то через препоны цензуры удается прорваться только изображениям толстозадых женщин с огромными черными кустами на лобке — Доня говорит, что, рассматривая такие картинки, все они неизбежно станут лесбиянками, а значит, будут носить жуткие ботинки со шнурками и водить машину. Пенисов нет, а вот сисек — пожалуйста, сколько угодно. Странные животы, на треть состоящие из жира. А сзади почему-то маячат полупрозрачные скелеты. И еще диванчики такие для падения в обморок — оттоманки. Бьянка сама похожа на такой полупрозрачный скелет. Склоняется, как промокшая бумажная соломинка для коктейля, вбивает что-то в айпэде Лиссы — и та-дам! — вот они, члены, правда, один скорее похож на мор-

ковку, а другой принадлежит мальчишке, которому на вид не больше двенадцати. К тому же это рисунки, а не фотографии. Вообще гравюры, господи.

Тиффани достает конфету “Шипучий взрыв”, которую называет “палка-макалка”. Съедает порошок, в который полагается обмакивать лакричную палочку, а саму палочку прячет в постель Дони. Лисса стоит перед зеркалом и пытается с помощью ватного шарика удалить хоть часть жира со лба. Она шепотом рассказывает Таш, что Бьянка тайно вступила в группу “Про-Ана”¹ в ватсаппе: теперь она целыми днями не вылезает из туалета, и там ее рвет, вот почему у нее так воняет изо рта. Лисса говорит еще, что Бьянка не каждый день ходит по большому. За окном — темно и тихо, так темно и тихо бывает только осенью в английских деревнях, когда неспешно, кружась и шурша, один за другим опускаются на землю листья, последние осы высасывают нутро последних слив, и там, за сумраком, скрываются неведомые тайны...

Две их спальни расположены рядом, отдельно от остальных, в одной из старых башен. В обеих скошенный потолок и лакированные деревянные шкафы с маленькими медными ключиками. Тиффани, Лисса и Наташа спят в одной комнате, Доня, Рейчел и Бьянка — в другой. Их будто нарочно по-

¹ “Про-Ана” — движение, пропагандирующее нездоровую страсть к похуданию. Ана — вымышленный персонаж, она испытывает отвращение к еде и к людям, которые “жрут”, то есть попросту по-человечески питаются.

селили здесь, чтобы они понимали, что отличаются от остальных, и чтобы испортились тут без присмотра. Но ведь, с другой стороны, то, что хранят в темном укромном месте, портиться вроде не должно? У яблок так, и у картошки, а картошка, по версии Тиффани, это “земляное яблоко”.

До отбоя Рейчел успевает принять ванну и предлагает Наташе воду, в которой мылась. У них тут что, так принято? Может, надо согласиться просто из вежливости? Но она так никогда не делает. Она вообще решила, что больше не будет вежливой. И потом, только представьте себе, что там может быть — в чужой воде. Волосы с лобка. Микробы. Обрывки темных усов. Фу, гадость.

— Нет, спасибо, — говорит она.

Рейчел улыбается. Наташа прошла тест. В верхнем ящике Дониного шкафа Тиффани прячет пачку “Мальборо лайт”, заграничных, без фотографий черных легких и отвалившихся пальцев на ногах. Таш не хочет пойти с ними завтра в лес? Да, хочет. В лесу сыро, всюду мох, лес такой английский-английский, просто *fuckin* *English*. Но дым напоминает Наташе об отце — и о родине. Дым на вкус — точь-в-точь как отцовский запах. В памяти всплывает его одекон, морок его больших машин с кожаными сиденьями и то, как он любит Наташу, сильнее, чем любил ее мать или свою последнюю жену. Он любит ее сильнее, потому что она — плоть от плоти его и никогда его не предаст. Потому что она — новая. А еще потому что она стройнее.